

УГОЛОВНЫЯ ДѢЛА,
изъ практики
ТУЛЬСКАГО ОКРУЖНАГО СУДА.

А. Любавскаго.

Т У Л А.
Типографія Тульск. Губ. Правленія.
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го октября 1873 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Нашимъ изданіемъ „Русскіе уголовные процессы“ (*) открыть новый отдѣлъ русской юридической литературы по образцу сборника „Causes célèbres“ Питтаваля.

Изданныя нами книги, при всѣхъ ихъ несовершенствахъ и недостаткахъ, замѣченныхъ юридической критикой, были первымъ опытомъ печатанія русскихъ уголовныхъ процессовъ, рѣшенныхъ *прежними* судебными мѣстами, такъ какъ кромѣ нашего сборника печатаніе таковыхъ дѣлъ было дозволено только въ „Журналѣ Министерства Юстиціи.“

(*) IV Тома (2435 страницъ).

Настоящая книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько процессовъ изъ практики Тульского Окружнаго Суда, рѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей: по этимъ дѣламъ мы были защитникомъ.

Изъ прочтенія этихъ процессовъ можно видѣть всѣ преимущества судебной реформы передъ прежнимъ порядкомъ вещей и убѣдиться, что учрежденіе присяжныхъ заседателей совершенно вошло въ нравы русскаго народа и дѣйствуетъ весьма успешно.

I.

Дѣло объ убійствѣ въ дракѣ крестьянина Кирилла Никифорова.

(Засѣданіе Тульского Окружнаго Суда отъ 3 мая 1871 г. Предсѣдалъ членъ Суда П. А. Тѣенинскій, члены: П. Н. Шенелевъ и Н. И. Курносозъ; обвинялъ Товарищъ Прокурора А. М. Кузьминскій. Защищали: Я. О. Поповъ (подсудимыхъ Свинарева и Серегина), А. Д. Любавскій (подсудимаго Павлова) и П. П. Зуровъ (подсудимаго Лукашина).

Обвинительный актъ по сему дѣлу, измѣненный Судебную Палатою, состоялъ въ слѣдующемъ: „7 марта 1870 г., на 8-й верстѣ отъ г. Епифани, по большой Данковской дорогѣ, былъ усмотрѣнъ мертвымъ крестьянинъ дер. Брюловки Кирилль Никифоровъ.

„По дознанію полиціи было обнаружено, что Никифоровъ ѣздилъ въ городъ Епифань съ крестьяниномъ Федоромъ Лукашинымъ, а оттуда возвратился съ нимъ же и крестьянами Степаномъ Павловымъ, Степаномъ Свинаревымъ и Максимомъ Серегинымъ.

„Спрошенный при слѣдствіи крестьянинъ Федоръ Лукашинъ показалъ, что 6 марта онъ уѣхалъ въ Епифань вмѣстѣ съ Никифоровымъ заниматься на работы на желѣзную дорогу. Въ Епифани они встрѣтились съ крестьянами Павловымъ, Свинаревымъ и Серегинымъ, съ которыми вмѣстѣ изъ питейнаго дома крестьянки Акулины Ларионовой и отправились домой, что было уже вечеромъ (6 марта). Впереди на подводѣ его Лукашина поѣхали: онъ, Никифоровъ и Серегинъ, а сзади на лошади Серегина—Павловъ и Свинаревъ, который впрочемъ вскорѣ пересѣлъ къ нему, Лукашину. Проѣхавши нѣсколько верстъ, Никифоровъ, лежавшій въ саняхъ, назвалъ Серегина воромъ, Велѣдствію этого Серегинъ, а также Свинаревъ ударили Никифорова нѣсколько разъ, а потомъ вытащили его изъ са-

ней наземь. Испугавшись, онъ, Лукашинъ, погналъ лошадь впередъ, но ъскорѣ былъ догнанъ Павловымъ, Свиначевымъ и Серегинымъ; послѣдній, сѣвъ къ нему въ сани, угрозами заставилъ его поклясться, что онъ никому не скажетъ, какъ онъ съ Свиначевымъ били Никифорова.

„Крестьянинъ Степанъ Павловъ, подтверждая въ относящемся до него показаніи Лукашина, объяснилъ, что выѣхавъ изъ города, онъ задремалъ, но потомъ, проснувшись, услышалъ шумъ и брань на подводѣ Лукашина, ѣхавшей впереди, саженьяхъ въ 10-ти. Потомъ къ нему подошелъ Серегинъ и сѣвъ въ сани, сказалъ: „молчи, мы уклали Никифорова, и если кому скажешь, то и тебѣ тоже будетъ“. Затѣмъ онъ всталъ изъ саней и пошелъ къ передней подводѣ. Подъѣзжая ближе, онъ, Павловъ, увидалъ Никифорова, лежавшаго на землѣ, а Свиначева и Серегина давившихъ его колѣнами. Никифоровъ въ это время ничего не говорилъ и не кричалъ. Онъ, Павловъ, объѣхалъ ихъ, но Свиначевъ и Серегинъ вскорѣ перегнали его, и угрозами взяли съ него клятву никому не говорить о случившемся. Къ этому Павловъ присовокупилъ, что 8 марта, когда онъ отправился къ Становому Приставу для спроса при дознаніи, то Свиначевъ говорилъ ему, чтобы онъ показалъ, что Никифорова въ городѣ не видали и съ нимъ не ѣхали.

„Обвиняемые крестьяне: Степанъ Свиначевъ (31 года) и Максимъ Серегинъ (23 лѣтъ) показали, что 6 марта, по выходѣ изъ питейнаго дома Ларионовой, они поѣхали съ Павловымъ; куда же ушли Лукашинъ и Никифоровъ не видали. Отъѣхавъ же отъ города нѣсколько верстъ, нагнали Лукашина одного, который на распросы ихъ сказалъ, что Никифоровъ остался въ городѣ.

„Но это объясненіе Серегина и Свиначева, въ виду изложенныхъ выше показаній Лукашина и Павлова, нельзя признать заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе,

что: 1) крестьянка Акулина Ларионова удостоверяла, что 6 марта Свинаревъ и Серегинъ ѣхали изъ питейнаго дома ея вмѣстѣ съ Павловымъ, Лукашинымъ и Никифоровымъ, и 2) что по показанію матери Лукашина Настасьи Тимофѣевой и крестьянина Горячева, Серегинъ, быши у нихъ 8 марта, сказалъ: „сынъ твой сказалъ Становому, что я и Свинаревъ убили Кирюшку; если мы убили его, то намъ будетъ яма, но и ему вмѣстѣ съ нами тоже будетъ яма“.

„По заключенію Врачебнаго Отдѣленія Тульского Губернскаго Правленія причиною смерти Никифорова было кровоизліяніе мозговыхъ оболочекъ, которое при самомъ опьяненіи Никофорова могло произойти какъ отъ давленія груди, такъ и отъ сотрясенія головы при паденіи или ушиба.“

„Разсмотрѣвъ вышеизложенное и выслушавъ заключеніе Товарища Прокурора, Судебная Палата находитъ: 1) что крестьяне Свинаревъ и Серегинъ показаніями Лукашина, Павлова, Вахрушина и Шиловой достаточно уличаются въ томъ, что 6 марта въ день смерти Кирилла Никифорова, они ѣхали вмѣстѣ съ нимъ домой изъ питейнаго дома Шиловой, что показаніями Лукашиной и Горячева, Свинаревъ и Серегинъ уличаются въ томъ, что съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, причинили Никифорову такое насиліе, отъ котораго онъ умеръ. Преступленіе это предусмотрено 1464 ст. Улож. о наказ., 2) что Павловъ и Лукашинъ собственными своими показаніями, уличаются въ попустительствѣ Свинарева и Серегина къ совершенію означеннаго преступленія.“

„Посему крестьяне Стефанъ Даниловъ Свицаревъ (31 года), Максимъ Исаевъ Серегинъ (23 лѣтъ), Степанъ Константиновъ Павловъ (26 лѣтъ) и Федоръ Егоровъ Лукашинъ (20 лѣтъ) преданы Суду Тульского Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ заседателей по обвиненію — корныхъ двухъ въ преступленіи

предусмотрѣнномъ—1464 ст. Улож. о нак., а послѣднихъ—14 и 1464 ст. Улож.

„На вопросы Предсѣтеля „признаютъ ли они себя виновными“, Свинаревъ отвѣчалъ „никакъ нѣтъ“. Серегинъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не виновенъ“.

Лукашинъ далъ слѣдующій отвѣтъ: развѣ ихъ удержишь! Мы нанялись работать на желѣзную дорогу; мы поѣхали всѣ пятеро на двухъ подводахъ; я ѣхалъ на передней подводѣ съ Никифоровымъ. Мы играли пѣсни и вдругъ они завздорили. Никифоровъ называлъ Серегина воромъ, тогда Серегинъ и Свинаревъ стали бить Никифорова по головѣ, бросили его о землю и все били. Они заставили меня божиться всѣмъ на свѣтѣ: своими глазами и землею, что я никому не скажу того, что видѣлъ.

Павловъ виновнымъ себя не призналъ.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Крестьянинъ Василій Горячевъ, (какъ лишенный правъ по прѣжнему приговору, показываетъ безъ присяги). Я по этому дѣлу ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.—По прочтеніи ему его показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, о томъ, что Серегинъ, бывши у матери Лукашина, сказалъ ей „сынъ твой сказалъ Становому, что я и Свинаревъ Кирюшкю убили; и твоему сыну вмѣстѣ съ ними будетъ яма“, Горячевъ отозвался, что онъ объ этомъ ничего не помнитъ. Серегинъ и не думалъ сознаваться, что убилъ Никифорова.

Подсудимый Павловъ (возражая на это показаніе). Мы поѣхали на двухъ подводахъ изъ г. Елифани: Серегинъ, Лукашинъ и Никифоровъ ѣхали на передней подводѣ, а я съ Свинаревымъ на задней подводѣ. Я задремалъ, и въ просопкахъ вдругъ слышу шумъ: слышу что впереди дерутся. Серегинъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ „ты живъ“, я отвѣчаю „живъ“. Онъ мнѣ продолжаетъ: „молчи, мы уклали Никифорова; если ты будешь говорить и тебѣ тоже будетъ, и те-

бя убьемъ“. Когда я проѣзжалъ, я видѣлъ, что Никифоровъ лежитъ на землѣ, а Свинаревъ и Серегинъ сидятъ на немъ. Я погналъ лошадь и уѣхалъ. Съ чего началась ссора, я не знаю. Я ѣхалъ въ 10 саж. позади. Никифоровъ былъ пьянъ, но однако могъ держаться на ногахъ.

Подсудимый Серегинъ, возражая весьма пространно, въ теченіи четверти часа излагаетъ какъ они занимались работать на желѣзную дорогу, въ какихъ кабакахъ и гдѣ пили, безпрестанно призываетъ имя Божіе въ подтвержденіе истинности своихъ словъ. Въ концѣ концовъ Серегинъ говоритъ, что Никифоровъ уѣхалъ отъ нихъ впередъ, что онъ его не билъ, и не знаетъ даже, отчего произошла смерть Никифорова.

Тоже подтверждаетъ и подсудимый Свинаревъ.

Свидѣтельница Авудина Ларионова Шилова (содержательница питейнаго дома; повязана красивымъ яркимъ платкомъ, необыкновенно толстая женщина). 6 марта вечеромъ Свинаревъ и Серегинъ выѣхали изъ моего питейнаго дома вмѣстѣ съ Павловымъ, Лукашинымъ и Никифоровымъ. Я помню это послѣднее обстоятельство, такъ какъ мой мужъ подавалъ имъ двѣ подводы лошадей. Покойникъ Никифоровъ, будучи у меня въ кабакѣ, былъ пьянъ и разбилъ стаканъ. Я должна была когда они вышли по моей просьбѣ изъ кабака, запереть двери, чтобы они опять не ворвались въ кабакъ.

Свидѣтель Петръ Кочневъ, (сотскій). Я везъ подсудимыхъ для допроса къ Приставу; Серегинъ отъ меня ушелъ, чтобы выпить водки. Серегинъ мнѣ сказалъ, что ему нужно переговорить съ Лукашинымъ. Впрочемъ я скоро нашелъ Серегина у Лукашиныхъ и доставилъ его по принадлежности.

Мать Лукашина, Настасья Лукашина. Серегинъ пришелъ ко мнѣ въ домъ и говорилъ мнѣ: “сынъ твой указалъ, будто я и Свинаревъ убили Кирюшку; если намъ будетъ яма, то мы такъ сдѣлаемъ, что и ему

Во время судебного слѣдствія были прочитаны акты осмотра: 1) изъ акта осмотра Полиціи, видно, что въ трупъ Никифорова руки отброшены въ сторону отъ туловища, лицо раздуто, языкъ ничего особаго не представляетъ, на шеѣ и груди знаковъ насилія не видно, спина въ пятнахъ. — Внутренній осмотръ показалъ, что черепныя кости цѣлы; существо мозга переполнено кровью въ видѣ красныхъ точекъ. — Въ полости груди всѣ ребра цѣлы. Лѣвое легкое переполнено кровью. На основаніи сего, дѣлавшій осмотръ уѣздный врачъ Вишневскій пришелъ къ заключенію, что смерть Никифорова послѣдовала отъ задушенія. 2) изъ заключенія Врачебнаго Отдѣленія Тульского Губернскаго Правленія видно, что сіе Отдѣленіе нашло предположеніе врача, будто смерть Никифорову послѣдовала отъ задушенія посредствомъ давленія — недоказаннымъ, а признало, что причиною смерти Никифорова было кровоизліяніе мозговыхъ оболочекъ, которое могло произойти отъ опьяненія.

По окончаніи судебного слѣдствія, было приступлено къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ Прокурора (А. М. Кузьминскій) произнесъ: Гг. присяжные засѣдатели! Настоящее дѣло не имѣетъ того ужасающаго характера, какой могъ бы представиться вамъ въ виду того, что Никифорову причинена была смерть. По уложенію о наказ. послѣдствія лишенія человѣка жизни весьма разнообразны для подсудимыхъ, смотря по способу совершенія преступленія и по обстоятельствамъ, сопровождающимъ сіе послѣднее. Если человѣкъ убилъ другаго для ограбленія — это наиболѣе тяжкій видъ преступленія; напротивъ того, въ настоящемъ дѣлѣ вашему обсужденію подлежитъ легчайшій видъ убійства, то есть случай нанесенія побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Какіе именно были побои, этого законъ не различаетъ; законъ устанавливаетъ только соотношеніе между побоями и происшедшею отъ нихъ смертью

Опредѣливъ такимъ образомъ, м.м. г.г., основные признаки преступленія, я перейду къ изложенію обстоятельствъ дѣла: фактическая сторона дѣла проста, немногосложна, — двое изъ сидящихъ передъ вами четырехъ подсудимыхъ — Серегинъ и Свинаревъ нанесли побои Никифорову, отъ которыхъ послѣдній умеръ. Остальные двое подсудимыхъ, Павловъ и Лукашинъ, обвиняются въ попустительствѣ.

Улики, которыя собралъ предварительное и судебное слѣдствіе противъ Серегина и Свинарева, состоятъ въ слѣдующемъ: изъ показаній Павлова и Лукашина оказывается, что 6 марта четыре упомянутые крестьянина, въ сопровожденіи пятого нынѣ умершаго, Никифорова, отправились въ г. Епифань. При возвращеніи они всѣ заходили въ разные кабаки, и всѣ пять вечеромъ того же дня сошлись въ кабакѣ Ларіоновой. Изъ показанія сей послѣдней видно, что они отъ нея уѣхали всѣ вмѣстѣ. Послѣднее показаніе на судѣ возбудило пренія. Въ подтвержденіе того, что эти пять человѣкъ вмѣстѣ отправились отъ нея, Ларіонова привела, что мужъ ея выводилъ лошадей Серегина и Свинарева, что этотъ фактъ она хорошо помнитъ. Свинаревъ и Серегинъ отвергаютъ даже, чтобы они вечеромъ 6 марта вмѣстѣ съ Никифоровымъ были въ Епифани у Ларіоновой. Это нѣвѣрное показаніе есть улика противъ нихъ: не будь они виновны, они бы не давали лживыхъ показаній. Серегинъ и Свинаревъ объяснили передъ вами, что они не могли лишить Никифорова жизни, ибо его съ ними не было. Но это показаніе опровергается свидѣтельствомъ Ларіоновой, Павлова и Лукашина. Послѣдніе съ простодушіемъ, истиною, совершенно убѣдительно рассказываютъ разные обстоятельства, которыя сопровождали лишеніе жизни Никифорова: они показали передъ вами, м.м. г.г., что выѣхали на двухъ саяхъ, причемъ Свинаревъ и Павловъ ѣхали на однихъ саяхъ, а остальные трое на другихъ саяхъ.

Павловъ заснулъ, и въ просонкахъ слышалъ шумъ на передней подводѣ; Серегинъ ему сказалъ „молчи, мы уедали Никифорова“. Другой свидѣтель Лукашинъ, показывая совершенно согласно съ Павловымъ, что удесятерять достовѣрность ихъ показаній, добавляетъ, что Никифоровъ назвалъ Серегина воромъ, тогда Серегинъ и Свинаревъ стали бить Никифорова. Это столкновеніе нельзя считать простой дракой, ибо Никифоровъ былъ въ то время настолько пьянъ, что былъ лишенъ возможности защищаться отъ нападений и оттого подвергся побоямъ нападающихъ. Серегинъ и Свинаревъ били Никифорова по головѣ, а Павловъ видѣлъ, какъ первые сидѣли на Никифоровѣ верхомъ. Быть можетъ, м. м. г. г., вы возбудите вопросъ: дѣйствительно ли смерть Кирилла Никифорова послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Серегинымъ и Свинаревымъ? Вопросъ этотъ безъ сомнѣнія разрѣшается утвердительно. Я не буду доказывать, что Серегинъ и Свинаревъ именно имѣли намѣреніе убить Никифорова; будь это, упомянутыя лица судились бы въ убійствѣ, и судьба ихъ отягчилась бы. Довольно будетъ если вы убѣдитесь, что не будь учинено Серегинымъ и Свинаревымъ насилія надъ Никифоровымъ, онъ бы не умеръ. Послѣднее доказывается заключеніемъ врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія, „что смерть Никифорова произошла отъ кровоизліянія мозговыхъ оболочекъ“; а изліяніе несомнѣнно произошло отъ полученныхъ Никифоровымъ сильныхъ ударовъ по головѣ, отъ паденія съ сѣней, отъ сидѣнія на немъ верхомъ Свинарева и Серегина. И такъ, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ необходимости опредѣлять свойство побоевъ (Товарищъ Прокурора ссылается при этомъ на рѣшеніе Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената). Вина Свинарева и Серегина доказана несомнѣнно. Но есть противъ нихъ и другія улики: когда сотскій везъ Серегина къ Приставу, Серегинъ забѣжалъ въ домъ матери Лукашина, и здѣсь

угрожалъ ей, просилъ ее чтобы она велѣла сыну измѣнить свои показанія, и прибавилъ: „если намъ будетъ яма, то и ему будетъ яма“, если онъ скажетъ, что мы убили Никифорова.

Затѣмъ я перейду къ остальнымъ двумъ подсудимымъ Павлову и Лукашину. Они обвиняются въ попустительствѣ Серегина и Свинарева нанести такіе побои Никифорову, отъ которыхъ ему послѣдовала смерть. По уложенію о наказ. попустителями называются тѣ, которые имѣли власть или возможность предупредить преступленіе, но съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо допустили совершеніе онаго. Такое упущеніе является по настоящему дѣлу. Основаніемъ къ обвиненію Павлова и Лукашина составляетъ отчасти ихъ показаніе, состоящее въ томъ, что они видѣли, какъ Серегинъ и Свинаревъ били, выбросили изъ саенъ Никифорова и сидѣли на немъ верхомъ. Павловъ и Лукашинъ имѣли возможность помѣшать сему, но этого не исполнили. Если бы они присоединились къ Никифорову во время, то ихъ оказалось бы трое противъ двухъ и тогда смерть Никифорова не послѣдовала бы. Въ заключеніе Товарищъ Прокурора энергически требовалъ обвиненія всѣхъ подсудимыхъ въ особенности же Свинарева и Серегина, какъ лишившихъ жизни ихъ ближняго. (Сильное ощущеніе между присяжными).

Защитникъ Серегина и Свинарева (помощникъ присяжнаго довѣреннаго Я. О. Поповъ) произнесъ: М. м. г.г.! на долю мою выпала трудная задача—явиться передъ вами защитникомъ двухъ подсудимыхъ, Серегина и Свинарева, которые обвиняются прокурорскою властью въ томъ, что безъ умысла на убійство нанесли Никифорову побои и истязанія, отъ коихъ онъ умеръ. Это преступленіе въ томъ видѣ, какъ оно формулировано прокурорскою властью, предусмотрѣно кодексомъ нашихъ положительныхъ законовъ. По словамъ г. товарища прокурора, поущеніе на жизнь человѣка

представляетъ много степеней наказуемости, и преступленіе Свинарева и Серегина изъ всѣхъ другихъ умышленныхъ убійствъ наименѣе значительно, наименѣе тяжко. Съ своей же стороны, я прямо заявляю, что независимо отъ тяжести или легкости того преступленія, которое возводится на моихъ кліентовъ, вина ихъ по этому дѣлу вовсе недоказана, и обвиненіе противъ нихъ является по меньшей мѣрѣ смѣлымъ, преждевременнымъ. — Настоящее дѣло представляетъ ту странность, что единственнымъ основаніемъ къ обвиненію Серегина и Свинарева, сидящихъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, служатъ показанія другихъ двухъ подсудимыхъ, также находящихся передъ вами и заинтересованныхъ въ исходѣ этого дѣла. За тѣмъ я припомню вамъ обстоятельства сего дѣла. (Защитникъ подробно излагаетъ всѣ показанія свидѣтелей, изложенныя выше, и добытыя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями). По моему мнѣнію, нельзя давать никакой силы оговору однихъ подсудимыхъ противъ другихъ. Ларіонова является единственнымъ свидѣтелемъ того, что Свинаревъ и Серегинъ выѣхали вмѣстѣ вѣчеромъ изъ г. Епифани; этому показанію я не даю вѣры. Оно противорѣчитъ объясненію, данному передъ вами на судѣ Свинаревымъ; послѣдній показываетъ, что Никифоровъ и Лукашинъ выѣхали впередъ, онъ же съ Серегинимъ отсталъ отъ нихъ на второй подводѣ; мужа Ларіоновой мы на судѣ не слышали, и слова ея, что мужъ выводилъ лошадей для Никифорова и Серегина, не доказываютъ ничего. Никифоровъ погналъ свою лошадь, а Серегинъ и Свинаревъ сзади его поѣхали шагомъ, ибо ихъ клонило ко сну, а одинъ изъ нихъ шолъ сверхъ того пѣшкомъ. Обвинитель Лукашинъ говоритъ, что Серегина Никифоровъ называлъ воромъ, и что вслѣдствіе этого Никифорову были нанесены побои; но это показаніе, равно и объясненіе Павлова, сдѣланы были ими только изъ страха передъ Становымъ Приставомъ, изъ опасенія того,

что на нихъ, (почти еще мальчиковъ), пало обвиненіе въ убійствѣ; имъ нужно было во что бы то ни стало свалить вину на другаго.—Медицинскія данныя безусловно служатъ въ пользу Свинарева и Серегина, игривое предположеніе врача, что смерть Никифорову послѣдовала отъ задушенія, безусловно отвергнуто врачебнымъ отдѣленіемъ Тульского Губернскаго Правленія. Если смерть Никифорова послѣдовала отъ опьяненія, которое сдѣлало болѣзненнымъ его организмъ, такъ что незначительнаго толчка было достаточно, чтобы причинить ему смерть, то мои кліенты не виновны въ причиненіи побоевъ. Смерть могла послѣдовать и независимо отъ сихъ послѣднихъ. На шеѣ и на груди у Никифорова знаковъ насилія не видно, какъ явствуетъ изъ акта осмотра, прочитаннаго на судѣ; слѣдовательно не было и побоевъ. Первоначально осмотръ трупа сдѣланъ былъ становымъ: этотъ послѣдній не нашелъ на трупѣ никакихъ побоевъ и насилій. Поэтому рассказъ оговорщиковъ опровергается отсутствіемъ боевыхъ знаковъ на тѣлѣ. Если бы Никифоровъ умеръ отъ паденія съ сачей, то мои кліенты были бы виновны только въ неказаніи ему помощи; слѣдовательно доводъ г. Прокурора неоснователенъ. И такъ м.м. г.г., ни по совѣсти, ни по юридическимъ соображеніямъ, ни по заключенію врачебнаго отдѣленія нельзя придти къ заключенію, чтобы Никифоровъ умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. То обстоятельство, что Серегинъ заходилъ или не заходилъ къ матери Лукашина, не доказываетъ его виновности; къ тому же самый этотъ фактъ сомнителенъ: свидѣтель Горлчевъ на судѣ передъ нами объяснилъ, что онъ ничего не слышалъ изъ разговора Серегина съ Лукашиною, что бы заключало въ себѣ сознаніе Серегина въ убійствѣ и желаніе, чтобы Лукашинъ измѣнилъ свои показанія. Итакъ въ дѣлѣ нѣтъ вовсе данныхъ, подтверждающихъ оговоръ Лукашина и Павлова; показаніе подсудимыхъ обвинителей—вотъ одинъ